

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. А. В. Антощенко
г. Петрозаводск, Россия

Г. П. ФЕДОТОВ О ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

Аннотация: В статье анализируются оценки, представленные в книге «Русская религиозность», написанной и опубликованной известным эмигрантским историком Г. П. Федотовым после его переезда из Франции в США. Автор отмечает, что «предполагаемыми читателями» книги должны были стать не только американцы, интересующиеся русской культурой, но и российские эмигранты. Этим обусловлена скрытая полемика Г. П. Федотова с о. Сергием Булгаковым, представившим читателям свое понимание русского христианства раньше. Г. П. Федотов показал, не называя имен своих бывших коллег по Свято-Сергиевскому богословскому институту в Париже, что их взгляды коренятся в языческом пантеизме гилозоистического толка.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, «Русская религиозность», язычество, православие.

Информация об авторе: Александр Васильевич Антощенко — доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет, ул. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия. E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Дата поступления статьи: 01.07.2017

Дата публикации статьи: 15.03.2018

Данная статья продолжает изучение нарративной структуры последней книги известного русского эмигрантского историка, религиозного мыслителя и публициста Георгия Петровича Федотова «Русская религиозность», начатое на страницах этого журнала [1]. В ней анализируются только оценки Г. П. Федотовым язычества древней Руси, данные в первом томе книги, изданном при его жизни [4]. Методологической основой исследования является постструктуралистский нарратологический подход, позволяющий на основе выявления особенностей «предполагаемых читателей» провести деконструкцию исторического нарратива. Последняя операция, в свою очередь, создает возможность для раскрытия латентной полемики Г. П. Федотова со своими бывшими коллегами по Свято-Сергиевскому православному богословскому институту в Париже. Постструктуралистский характер применения принципов нарратологического анализа заключается не только в реконструкции коммуникации автора и читателей, но и в обращении к контексту написания книги Г. П. Федотовым, воссоздаваемому с помощью его корреспонденции и дневника, хранящихся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и в архиве Центра русской культуры в Амхерсте (США).

Рассмотрение языческой почвы для насаждения христианства, или «первобытного язычества», было особенно важно для Г. П. Федотова в этой книге. Оно позволяло объяснить «национальные отличия» христианства, которое, являясь всеобщим по про-

исхождению, не только поглощало язычество, идя ему на смену, но и подстраивалось к «тому, что укоренилось в глубинных пластах народной души» [4, т. 10, с. 16]. Акцент на национальных отличиях восприятия христианства на Руси был важен для американских читателей книги, желающих понять «загадочную русскую душу» [6; 9; 10]. Правда, скудость исторических источников, скрупулезно собранных историком, принудила его отказаться от воссоздания целостной мифологии древних восточных славян, что стало предметом критики в одной из рецензий [7]. Историк ограничился лишь характеристикой главных черт древнерусского язычества, которые уже были обозначены в его книге «Стихи духовные»: одухотворение природы и культ Матери-Земли, неразрывно связанный с культом рода [4, т. 6, с. 153, 161, 198]. Следует подчеркнуть, что в книге «Стихи духовные» Г. П. Федотов отмечал «софиюность природы» в этих безыскусных поэтических произведениях, выражавших народное восприятие христианства, указывая тем самым на близость такого видения философскому пониманию, развиваемому в работах С. Н. Булгакова. «В современной богословской софиологии ищут своего выражения вещи предчувствия и тысячелетние сны дремлющей народной души», — утверждал историк [4, т. 6, с. 203]. Тем самым Г. П. Федотов подчеркивал, что в развернувшихся вокруг этого понятия спорах, приведших к осуждению софиологии о. Сергия Булгакова Московской патриархией и карловцами [3; 8], он находился на стороне осужденного.

Показать читателям специфически русские черты язычества позволила Г. П. Федотову критика «солярной теории» А. Н. Афанасьева и следование принципу «бинарной оппозиции». В противопоставлении Солнце – Земля при характеристике русского язычества исследователь сосредоточивал свое внимание на втором элементе, что давало ему возможность увидеть в подчиненном характере астрального культа в русском язычестве его специфику, отличие от «западного» многобожия, а также причину неразвитости у восточных славян мифологии. Определяя черты культа Матери-Земли, он выделял среди достоинств, почитавшихся ими, «доброту и милосердие», свойственные для ее материнского начала, а также «не красоту, а плодородие» [4, т. 10, с. 25]. Г. П. Федотов не отказывался от своих утверждений о языческих основах популярности у русского народа культа Богородицы, доказанных в «Стихах духовных». Но в той работе его задачей было показать, как трансформировались догматы христианства, воспринимаемые народом через литургию, иконопись, апокрифическую литературу. В «Русской религиозности» изучение язычества должно было дать ответ на вопрос о специфически русском восприятии христианства, которое могло быть понято в духе «византизма» или «кенотизма». Первые из отмеченных добродетелей Матери-Земли («доброта и милосердие»), а также указание на отсутствие «ужаса» или «страха» при характеристике природных стихий, лишней раз показывали читателю, каков должен быть выбор между «византизмом» и «кенотизмом» в соответствии с народным духом, коренящимся в язычестве. Указание на негативно-позитивную характеристику земли («не красота, а плодородие») также имело свой глубокий смысл. Не случайно Г. П. Федотов возвратился к этой характеристике в конце первой главы. «Мать-Земля — бесформенна и безлика, — утверждал он. — Красота, к которой столь равнодушны русские, не воплощена для них прежде всего в женщине. Красота сконцентрирована в природе. Но для русских красота природы — это красота растворяющая, обволакивающая, отнюдь не предмет созерцания. Человек затерян в природе и не желает повелевать ею. Отсюда следует, что наибольший религиозный соблазн для русских должен заключаться в пантеизме чувственного (гилозоистического) толка. Предметом поклонения является священная материя, а не дух. Личность не раскрыта, социальные узы, основанные на кровном родстве, чрезвычайно сильны» [4, т. 10, с. 31].

За внешним указанием на специфику отношения русских язычников к природе скрывалась оценка взглядов о. С. Булгакова, против которого в свое время была направлена статья «В защиту этики», опубликованная через пять лет после книги «Стихи духовные», когда в качестве осужденного теперь оказался уже сам Г. П. Федотов, надевшийся на поддержку о. Сергия. Продолжая скрытую полемику с эстетизмом булгаковской интерпретации христианства, Г. П. Федотов в итоговой работе давал собственный ответ на мучавший его вопрос, поставленный в дневнике во время долгого и трудного пути в Америку и точно подмеченный В. В. Янценом [5, с. 89]. К приводимой им пространной цитате из дневниковой записи Г. П. Федотова за 14 февраля 1941 г. следует добавить и запись, сделанную на следующий день: «Рассветы и закаты над морем для меня подлинно “творяются” (Пильняк) каждый день. И это — моя мистерия, которая возвращает мне каждый день веру в Бога более несомненную, чем каждодневная месса доминиканцев, на которой я присутствую. Туда, на мессу я должен что-то принести с собой и бороться эти короткие полчаса, чтобы не расплескать совершенно. А от зари и звезд в меня нисходят такие силы (благодать или природа?), которых хватает на полдня. И здесь встреча с о. Сергием — опять, несмотря на мое отталкивание от него. Реальность Софии. Т. е. Бог в красоте. Знаю и растущую красоту. И это все моя вера»¹. Характерно, что в некрологе, написанном после смерти о. Сергия Булгакова, Г. П. Федотов косвенно отметил отличие своих эстетических переживаний во время долгого и полного опасностей морского путешествия из Европы в Америку от булгаковского восприятия океана: «Океан, который он увидел на пути в Америку, волновал его как некогда Пушкина и Байрона». И хотя метафора «океан» развивалась далее для того, чтобы подчеркнуть внутреннюю неуспокоенность о. Сергия, она в то же время маркировала границу между религиозным мировосприятием С. Н. Булгакова и Г. П. Федотова. Если с характеристикой ипостаси Святого Духа, которому была посвящена последняя булгаковская книга, как источника всякого вдохновения и творчества, Георгий Петрович полностью соглашался, то его мысль, что в окружающей действительности нет ничего абсолютно мирского и профанного, он не мог принять.

Уже после завершения первого тома «Русской религиозности» Г. П. Федотов писал в этой связи своему бывшему ученику по Свято-Сергиевскому институту в Париже о. И. Вернику о своих расхождениях с бывшими коллегами, особенно — с о. С. Булгаковым. Их слабость виделась Георгию Петровичу в «вытравлении» евангельских проблем, т. е. вопросов этики, из христианства и сведения «его к таинству, т. е. к воздействию Святого Духа на материю», к «религиозному материализму». В результате принижалась роль человека, как свободной и ответственной личности. «Препарированное т[аким] обр[азом] христианство становится язычеством в его позднем неоплатоническом виде (Ямблих и Прокл), — замечал Г. П. Федотов. — Конечно, виновник грехопадения здесь о. Флоренский, прельстивший о. Булгакова. У о. Сергия лично был большой запас этических ценностей, идущих от социализма, но религиозно не утвержденных». Такому пониманию русского христианства Г. П. Федотов противопоставлял собственное видение его, о чем историк уведомлял о. И. Верника: «Осенью выйдет моя книга о религиозности Киевской Руси, где, хотя и исторически, но мое понимание христианства достаточно выражено» [2, с. 56].

¹ Благодарю В. В. Янца за возможность ознакомиться с копией дневниковых записей Г. П. Федотова, сделанных З. О. Микуловской. Их расшифровка сверена мной с более полной рукописной копией, сделанной Ю. П. Иваском и хранящейся в архиве Центра русской культуры в Амхерсте (США). Amherst College Archives. Yury [George] P. Ivask Papers. Box 3. Folder 5.

Возвращаясь к рассмотрению язычества древней Руси Г. П. Федотовым, можно заметить, что его характеристика открывает и завершает первый том. Такое построение повествования позволило не только показать, как языческая вера обусловила выбор определенного восприятия христианства (кенотизм), но и детально и доказательно охарактеризовать соотношение языческих и христианских верований, представлявшегося обычно в дореволюционной отечественной историографии как «двоеверие». Особую роль в раскрытии слияния отдельных элементов язычества и христианства сыграла глава, в которой давался тонкий анализ «Слова о полку Игореве». Содержание этой главы как бы подчеркивало еще одну особенность построения книги: в ней сочетаются два принципа — тематический и источниковедческий. Если ряд глав — «Дохристианское язычество», «Религиозный византизм», «Аскетические идеалы», «Ритуализм духовенства» — основывался на разнородных источниках и объединялся общностью рассматриваемых в них тем, то другие — «Русские византисты», «Религия мирян: русская учительная литература», «Слово о полку Игореве» — были сосредоточены на анализе одного или нескольких произведений в их целостности. В этом нельзя не увидеть верность Г. П. Федотова основному принципу петербургской школы историков, в рамках которой он сформировался как исследователь, а именно — двигаться от источников к обобщениям и «историческим схемам». Такой подход позволял проследить и показать читателю такие нюансы, которые определялись природой источника и которые при тематическом изложении материала вполне могли быть утрачены.

Уникальность «Слова о полку Игореве» Г. П. Федотов видел в «стилевой двойственности» произведения, сочетавшем эпические традиции с историческим стилем византийских хроник. Формальная критика позволяла ему выделить три слоя в поэме — христианский, языческий и светский. Причем христианский оказывался наиболее слабо выраженным, о чем свидетельствовал не только скудный христианский словарь автора, но и отсутствие действий, жестов и мыслей, «которые обязательно присутствуют христианскому социуму» [4, т. 10, с. 285]. Напротив, языческое начало оказывалось явственно выраженным «в общем взгляде на природу и жизнь». Г. П. Федотов не ограничивался указанием на почтительное упоминание в «Слове о полку Игореве» языческих богов, а раскрывал процесс мифотворчества в произведении, в котором осуществлялось слияние народных мифологических традиций с пантеистическим символизмом автора произведения. Одушевление природы и персонификация абстрактных понятий, как показывал исследователь, свидетельствовали о языческом характере мировоззрения автора, поскольку «в “Слове о полку Игореве” природа не изображается как орудие Божественного откровения» [4, т. 10, с. 289]. В пользу этого положения он приводил также примеры использования природы и ее явлений в метафорах и поэтических символах. Однако эти свидетельства не были отрицанием христианского характера верований автора или его персонажей Г. П. Федотовым, который использовал фрейдистское положение о «подсознательном» для перехода от исходного заявления о «слегка языческом мире» в произведении к утверждению о «торжестве язычества, которое преобладает в “Слове о полку Игореве”» [4, т. 10, с. 292]. Тем самым он показывал, как на языческие верования налагались вполне сознательно воспринимаемые христианские, вытесняя первые в область подсознания. Г. П. Федотов, подобно психоаналитику, извлекал в результате вопрошания источника, в ходе диалога с его автором, их из этой области, делая языческие основания христианского сознания очевидными для читателя.

Третий элемент мировосприятия автора «Слова о полку Игореве» — секуляризованные представления о социальной и политической этике — раскрывался исследователем на основе сравнительного рассмотрения стилистических особенностей этого поэтического произведения и летописей. В результате он не только всесторонне охарактеризовал социальные этические нормы автора «Слова о полку Игореве», но и установил их сходство с нормами, которыми руководствовались летописцы, обозначив их как «этика клана или кровного родства, этика группы или феодального и военного достоинства и этика отечества» [4, т. 10, с. 293]. При этом реконструкция единых социальных норм велась историком с учетом различия политических установок их носителей.

Анализ «Слова о полку Игореве» как поэтического произведения позволил Г. П. Федотову не только охарактеризовать мировоззрение и этические нормы автора и персонажей, т. е. представить их «духовность», но и реконструировать их эмоциональное мировосприятие («душевность»). Если в первом случае важными для него были стилистические особенности произведения, то во втором — сюжетопостроение. Рассмотрение развития сюжетных линий и кульминаций стало основой для выявления таких черт характера автора, как сдержанность и мягкость, сердечная нежность, что послужило основой для обобщения о национальных особенностях «русской души». Способом обоснования такого обобщения являлось сравнение тех литературных средств, которыми достигается трагический характер крупнейших эпических произведений в западноевропейской культуре и в русской. «Во-первых, легко заметить, — писал исследователь, — что нагнетание трагических событий не получило достаточного обоснования в раскрытии темы. “Слово о полку Игореве” — это драма со счастливым концом. Обилие зловещих сцен выглядит несколько необоснованным. Во-вторых, трагический эффект достигается не смертью сражающегося и обреченного на гибель героя (как в случае с Ахиллом, Роландом, Зигфридом), а в результате его страданий и унижений: в лице князя Игоря страданиям и унижениям под гнетом половцев подвергается вся Русская земля» [4, т. 10, с. 305]. Опираясь на положение В. О. Ключевского об ассоциативном характере мышления древнерусского человека, Г. П. Федотов заметил особенности в достижении «трагического эффекта»: отсутствие в финале «чувства мести» и преобладание «темы скорби». Это позволяло ему сделать вывод: «Мерило страданий как высшего нравственного критерия, как почти абсолютной нравственной вершины является наиболее драгоценной чертой русской религиозности» [4, т. 10, с. 305–306]. Сама же эта религиозность является результатом специфического, евангельского восприятия христианской веры, обусловленного русским языческим прошлым.

Завершая рассмотрение влияния язычества на восприятие христианства в Древней Руси, Г. П. Федотов не ограничился указанием на факты, свидетельствующие о длительном существовании «двоеверия», о котором писали его предшественники. Опираясь на тексты проповедей и канонических правил, он методом «от противного» показал, какие из языческих пережитков вызвали наибольшее неприятие со стороны проповедников христианской веры. Это дало ему возможность указать на еще одну особенность русского язычества — его дионисийский или оргиастический характер, в основе которого лежит «хаос русской души» [4, т. 10, с. 289].

Несколько выбивалась из последовательности повествования критика Г. П. Федотовым представлений о богомильских влияниях на русское христианство. Он сам был вынужден признать, что богомилство является христианской сектой и ересью. Однако исследователь включил эту тему в заключительную главу первого тома, так как она была важна для него. Раскрытие «мнимого дуализма» волхвов позволяло ему вновь

подчеркнуть натуралистический монизм русского язычества, в котором коренилось характерное для русских поэтов признание чистоты и святости природы, «неподвластной никакому греху человеческой истории и культуры». И если это утверждение указывало на содержание его лекций о христианской эстетике русских поэтов XIX в., неоднократно читавшихся в «американский период» его жизни, то завершающая эту тему фраза имела иную направленность. Подчеркивая: «Человек обретает искупление в единении с природой», — а затем уточняя: «В этом суть русской ереси, которая уясняется, если учесть первоначальный монизм, пронизывающий исторические пласты русского христианства» [4, т. 10, с. 320], он тем самым указывал на исторические корни взглядов С. Н. Булгакова, с которым он хоть и не без сомнения все еще готов был солидаризироваться во время своего трудного путешествия в Америку, но от которых приходилось отказываться как от ереси сейчас.

Наконец, в завершение главы о соотношении язычества и христианства Г. П. Федотов вводил понятие «синкретизма» («слияния»), которое позволяло ему использовать сделанные еще в середине 1930-х гг. наблюдения о народном восприятии Богородицы в стихах духовных, раскрыв его исторические корни. Слияние культа Рожаниц с культом Богородицы породило своеобразное понимание последнего: «Русская Мария — это не только Мать Божия или Мать Христова, это вселенская Мати, Мать всего человечества. Конечно, прежде всего она является Матерью в нравственном смысле, милосердной заступницей, предстательницей за людей перед Небесным Судом — это русское понимание искупления. Но русский народ верил, что и в другом, онтологическом смысле Она является Подательницей жизни всей твари, и именно в этом достоинстве Она победила скорбных и безымянных, несколько призрачных Рожаниц» [4, т. 10, с. 324].

Таким образом, в первом томе книги «Русская религиозность» Г. П. Федотова была представлена итоговая характеристика русского язычества. Ее расположение в структуре исторического нарратива позволяло автору показать как исходные условия восприятия христианства в древней Руси, так и особенности древнерусского язычества. Последними определялась специфика этого восприятия, которую историк обозначил понятием «кенотизм», подчеркивая тем самым готовность лучших адептов новопробретенной веры следовать по пути «уничужения», проложенному Христом, вплоть до подражания ему в добровольном, т. е. свободном принятии мученической смерти. Вместе с тем в древнерусском язычестве коренилась и иная возможность восприятия христианства, ведущая к «религиозному материализму» или пантеизму «гилозоистического толка», черты которого историк замечал в богословии о. С. Булгакова, с которым он вел давнюю, хотя и скрытую полемику, в том числе и на страницах своей последней книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Антощенко А. В. «Византизм» в интерпретации Г. П. Федотова // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 7–20.
- 2 Антощенко А. В. «Пишу это вам, чтобы убедиться, правда ли, что вы мой единомышленник или только любящий ученик...». Письма Г. П. Федотова к И. И. Вернику. 1934, 1946 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 51–58.
- 3 Аржаковский А. Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже // Богослов, философ, мыслитель. Юбилейные чтения, посвященные

- 125-летию со дня рождения о. Сергия Булгакова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. С. 109–128.
- 4 Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12 т. М.: Sam&Sam, 1996–2014. 2013. Т. 6. 504 с.
- 5 Янцен В. В. Известные страницы биографии Г. П. Федотова в США // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 3. С. 79–93.
- 6 Attwater D. [Рец.] Russian Religious Mind: Kievan Christianity. By George P. Fedotov. (Harvard University Press; London, Cumberledge; 32 s. 6 d.) // Life of the Spirit. 1947. Vol. 2. № 14. P. 85–87.
- 7 Casey R. P. [Рец.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge: Harvard University Press. 1946 // Journal of Religion. 1949. Vol. 29. № 3. P. 230.
- 8 Gallaher B. “Great and Full of Grace”: Partial Intercommunion and Sophiology in Sergii Bulgakov // Church and World: Essays in Honor of Michael Plekon. Rollinsford, NH: Orthodox Research Institute Publ., 2013. P. 69–121.
- 9 Hardy E. R. [Рец.] George P. Fedotov. The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. Cambridge, Harvard University Press, 1946 // The American Slavic and East European Review. 1947. Vol. 6. № 3/4. P. 196–199.
- 10 Spinka M. [Рец.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1946 // Church History. 1947. Vol. 16. № 2, pp. 114–115.

© 2018. Aleksandr V. Antoshchenko
Petrozavodsk, Russia

G. P. FEDOTOV ON THE OLD RUSSIAN PAGANISM

Abstract: This article is to analyze the assessments presented in the book “Russian religious mind”, written and published by the famous emigre historian G. P. Fedotov after his moving from France to the United States. As the author of the article notes the “implied readers” of the book were supposed to be the Russian emigrants and not only Americans interested in Russian culture. This was the reason for the hidden nature of George Fedotov’s polemics with Father Sergius Bulgakov, who had earlier presented to readers his understanding of Russian Christianity. Fedotov showed, without naming his former colleague at the St. Sergius Theological Institute in Paris, that Bulgakov’s views were rooted in the pagan hylozoist oriented pantheism.

Keywords: George Fedotov, “Russian Religious Mind”, Paganism, Orthodoxy.

Information about the author: Aleksandr V. Antoshchenko — DSc in History, Professor, Petrozavodsk State University, Lenin St., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia. E-mail: antoshchenko@yandex.ru

Received: July 01, 2017

Date of publication: March 15, 2018

REFERENCES

- 1 Antoshchenko A. V. “Vizantinism” v interpretatsii G. P. Fedotova [George Fedotov’s interpretation of the concept “Byzantinism”]. *Vestnik slavianskikh kul’tur*, 2017, vol. 44, pp. 7–20. (In Russian)

- 2 Antoshchenko A. V. "Pishu eto vam, chtoby ubedit'sia, pravda li, chto vy moi edinomyshlennik ili tol'ko liubiashchii uchenik..." Pis'ma G. P. Fedotova k I. I. Verniku. 1934, 1946 gg. [I am writing this to you to make sure whether it is true that you are my adherent or just a loving disciple...] George Fedotov's letters to Igor I. Vernik. 1934, 1946]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"*, 2015, no 2 (6), pp. 51–58. (In Russian)
- 3 Arzhakovskii A. Sviato-Sergievskii pravoslavnyi bogoslovskii institute v Parizhe [St. Sergius Orthodox Theological Institute in Paris]. *Bogoslov, filosof, myslitel'. Iubileinye chteniia, posviashchennye 125-letiiu so dnia rozhdeniia o. Sergiia Bulgakova* [Theologian, philosopher, thinker. Jubilee readings dedicated to the 125th anniversary of the birth of father Sergii Bulgakov]. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 1999, pp. 109–128. (In Russian)
- 4 Fedotov G. P. *Sobranie sochinenii: v 12 t.* [Collected Works: in 12 vols.]. Moscow, Sam&Sam Publ., 1996–2014. (In Russian)
- 5 Iantsen V. V. Neizvestnye stranitsy biografii G. P. Fedotova v SShA [Unknown Pages of George Fedotov's Biography]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2014, vol. 15, no 3, pp. 79–93. (In Russian)
- 6 Attwater D. [Rev.] Russian Religious Mind: Kievan Christianity. By George P. Fedotov. (Harvard University Press; London, Cumberledge; 32 s. 6 d.). *Life of the Spirit*, 1947, vol. 2, no 14, pp. 85–87. (In English)
- 7 Casey R. P. [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge, Harvard University Press, 1946. *Journal of Religion*, 1949, vol. 29, no 3, p. 230. (In English)
- 8 Gallaher B. "Great and Full of Grace": Partial Intercommunion and Sophiology in Sergii Bulgakov. *Church and World: Essays in Honor of Michael Plekon*. Rollinsford (NH), Orthodox Research Institute Publ., 2013, pp. 69–121. (In English)
- 9 Hardy E. R. [Rev.] George P. Fedotov. The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. Cambridge, Harvard University Press, 1946. *The American Slavic and East European Review*, 1947, vol. 6, no 3/4, pp. 196–199. (In English)
- 10 Spinka M. [Rev.] The Russian Religious Mind. By George P. Fedotov. Cambridge, Harvard University Press, 1946. XIV. *Church History*, 1947, vol. 16, no 2, pp. 114–115. (In English)